

Поистине уникальный роман, в одиночку совершивший жанровую революцию. Восхитительное безумие, блестящее здравомыслие — а может, и всё сразу. Имейте в виду, о входящие в эту книгу: на выходе вы будете совсем другого размера, чем в начале пути.

Урсула Ле Гуин

Есть на свете люди — и я такой, — для которых жизнь состоит из периодов ожидания от одного романа Краули до другого.

Майкл Шейбон

Я перечитывал «Маленький, большой» так часто — и от начала до конца, и возвращаясь к любимым местам, — что иногда мне кажется, будто роман этот знаком мне с детства. Подобно Шекспиру и Льюису Кэрроллу, Краули творит настоящее чудо: в «Маленьком, большом» он словно бы не выдумывает новый мир, а описывает то, что существовало всегда, — как нам сейчас кажется, что Фальстаф и Шалтай-Болтай были всегда, задолго до Шекспира и Кэрролла.

Гарольд Блум

Джона Краули сравнивали со многими популярными авторами современности вплоть до Толкина. Но рядом с полифоничной эпопеей «Маленького, большого» «Властелин колец» все равно что стереотипный мультсериал.

Томас Дини

«Маленький, большой» — краеугольный камень литературы воображения конца XX века.

Джон Клют

Краули — один из тех абсолютно необходимых писателей, которых мы давно ждали, сами о том не догадываясь.

Расселл Хобан

Краули щедр, одержим, пленителен. Он настолько хорош, что коллегам по цеху остается только удивляться.

Питер Страуб

Великолепно! В этом романе Краули переработал всю традицию современной литературной сказки и выстроил на ее основе нечто качественно новое — и в то же время бесконечно знакомое.

Джин Вулф

Краули совершил деяние беспримерной отваги. Он создал произведение современной литературы из материала волшебных сказок и детских стишков. Это ему удалось, что уже само по себе чудо. Но главное достижение Краули — то, что ему удается одновременно быть

волшебным и знакомо-домашним и, пройдя по лезвию бритвы, не свалиться в пропасть бытописания или чистой фантазии.

Майкл Суэвик

Краули пишет столь блистательно, что в его стиль влюбился весь английский язык. Знал я одно придаточное предложение, которое было потрясено лингвистической красотой «Маленького, большого». Бедолага! Оно так и зачало между запятыми.

Джеймс Морроу

«Маленький, большой» под завязку наполнен самым экзотическим знанием и прозой невероятной красоты и глубины. Это наиболее смелый и в то же время элегантный роман Краули.

Рис Хьюз

Удивительная история, не менее удивительным образом рассказанная. Читая «Маленького, большого», мы как будто затаив дыхание следим за выступлением канатоходца: стоит ему оступиться, и падение неминуемо. Но Краули не оступает ни разу, и с каждой страницей магия этой книги лишь усиливается.

Катарина Керр

Да, можно сказать, что это история о том, как одна семья на протяжении многих поколений сосуществует и взаимодействует с феями, — но «Маленький, большой» гораздо ближе к «Сто лет одиночества», чем к «Питеру Пэну».

New York Newsday

Именно такие книги становятся культовыми — и за дело. Здесь дышит настоящая магия.

Los Angeles Herald Examiner

Смело, ошеломляюще и невероятно трогательно. Эталонный пример семейной саги, проникнутой магическим реализмом.

The Washington Post Book World

Краули создал не просто книгу, а целый новый мир — с безошибочной человечностью и беспримерной виртуозностью.

The Philadelphia Inquirer

Краули — автор уникально талантливый и уникально щедрый.

The New York Time Book Review

Сравнить «Маленький, большой» совершенно буквально не с чем — от начала до конца этот роман пронизан настоящим чудом.

The Wall Street Journal

Представьте себе семейную сагу, вдохновенную суфийской притчей о парламенте птиц. Или роман о долгом счастливом браке, использующий темы и архетипы североευропейского фольклора. Просто хороший роман должен избегать фальшивых нот, но роман великий должен быть поистине всеобъемлющим, дышать безудержной страстью и замахиваться на невозможное. «Маленький, большой» делает все это, и даже гораздо больше: чем глубже в него погружаешься, тем необъятнее он становится. Это шедевр современной американской литературы, достойный ответ Маркесу и Набокову.

Boston Review

Поверх литературной игры Краули создал собственный эпос, совершенно независимый и волшебный. Это тоже игра — автор не дает готовых объяснений, а рисует мир, полный вопросов. Будто колода карт из книги, трудность обращения с которой состояла в том, что задаваемые гадающим вопросы странным образом оказывались ответами на предыдущий вопрос.

*Игорь Пронин
(Gazeta.ru)*

Ухищрения автора абсолютно органичны: его сложный мир стоит описывать только с помощью такого же сложного языка, — неприемно, исподволь вы проникнетесь ощущением реальности чуда, которым светятся отдельные повести из этой большой Повести, и тогда принять и понять вещи, о которых рассказывает автор, не составит труда. К тому же у вас есть хорошие помощники — книга безупречно оформлена, прекрасно переведена, а трудные для понимания цитаты разъяснены в восхитительно длинном комментарии.

*Иван Якишин
(Книжная витрина)*

Не стоит пугаться того, что вы заблудитесь в сложной топографии этого романа. На это и рассчитано: как в настоящей барочной истории, здесь запутаны геометрия и пропорции. Здесь маленькие проказливые существа манипулируют жизнями больших людей. А сам автор играет в замысловатую игру со своими предшественниками: Шекспиром, Кэрроллом и Габриелем Гарсиа Маркесом.

*Наталья Бабинцева
(Время новостей)*

Есть книги, которые становятся классикой сразу после выхода в свет. Именно таков роман «Маленький, большой». Как часто бывает с подобными произведениями, сюжет его не поддается пересказу: слишком уж запутано и многолинейно повествование. Джон Краули из тех

писателей, которых тонкие душевные движения героев интересуют неизмеримо сильнее, чем события, происходящие вовне. Один-единственный поцелуй на лестнице значит для его персонажей куда больше, чем километры приключений и самые захватывающие чудеса. Как правило, подобные произведения, так называемые «рассказы настроения», совсем невелики по объему. Уникальность романа Краули в том, что писатель умудрился сохранить это ощущение на протяжении многих сотен страниц. Честно говоря, других подобных примеров в фантастической литературе я и не припомню...

*Василий Владимировский
(Мир фантастики)*

Роман Джона Краули трудно с чем-либо сравнивать: он — единственный в своем роде и ни на что не похож. Романтическая сказка, устроенная по принципу множества вложенных друг в друга потайных ларчиков? Изысканная аллегория в ренессансном духе? Сложносочиненная семейная сага? Да, все это тоже, но еще — и это, конечно, главное — тонны текучей, невербализуемой, истинно волшебной субстанции, эдакого искристого эфира, наполняющего роман изнутри и составляющего его основное очарование.

Молодой и простодушный клерк Смоки Барнабл влюбляется в своевольную Дейли Элис Дринкуотер, дочь известного детского писателя, и вслед за любимой отправляется в родовое поместье Дринкуотеров Эджвуд. Однако то, что поначалу кажется ему просто домом, хоть и очень большим и необычным, в действительности включает в себе множество других домов — внутри Эджвуда притаился и дышит целый зачарованный мир! Разгадывание его бесчисленных загадок и попытка ухватить за хвост разлитую в эджвудском воздухе, но постоянно ускользающую от прямого взгляда магию способны захватить героев на долгие годы, а читателя — на все девятьсот страниц романа.

Галина Юзефович

К читателям этого издания¹

Стыжусь признаться — хотя мне часто доводилось это делать, — что я говорю и читаю только по-английски. У этого пробела — притом что образование я получил хорошее — есть свои причины. Но теперь, когда мои книги воспроизводят на других языках и предлагают иностранным читателям, мне приходится полагаться на мастерство переводчиков. Я не могу проверить переводы и убедиться, насколько они точны, — в особенности когда не способен прочесть буквы или иероглифы, как в китайских и японских изданиях и даже в случае с кириллическими алфавитами. Я выяснил, что некоторые французские версии моих книг небезупречны — в них пропущены фразы и абзацы, — и иноязычные читатели время от времени сообщают мне о неадекватности переводов. Но большей частью я похож на глухослепого, который может общаться лишь с узким кругом людей и вынужден верить в то, что ему скажут правду и точно передадут его слова другим. Среди тех, кому я наиболее доверяю, — Михаил Назаренко, комментатор этого издания, мой давний друг и переводчик.

Когда я думаю, как представить «Маленького, большого» русским читателям, мои пробелы становятся еще более очевидными. Могу ли я сравнить книгу с каким-нибудь из русских романов, если я читал их только по-английски? Когда впервые вышла «Ада, или Радости страсти» Владимира Набокова, я немедленно ее проглотил, поскольку с юных лет любил его англоязычные романы, и испытал шок узнавания: две сестры, из которых одна более хрупкая; мужчина, любящий обеих; парал-

¹ Перевод М. Назаренко.

лельный мир, куда можно заглянуть при помощи особых средств (хотя при этом не обязательно в него верить); стоящий среди волшебной нетронутой природы большой дом, где обитает разветвленная и состоятельная семья; сложный стиль, полный аллюзий; и даже подзаголовок, — все это было в моем романе, который тогда как раз возникал. Но действительно ли эти книги похожи? Будет ли русским читателям полезно узнать, что мой роман несколько схож с набоковским? Вряд ли. И конечно, «Ада» во многих отношениях — не русский роман.

То, что для меня важнее всего в литературе, боюсь, легче всего теряется в переводе: тонкости, нюансы, постоянное отражение одних слов в других, связанных с ними по смыслу, звуку, контекстам, но имеющих иные оттенки; опора на культурную память читателя о рассказах, стихотворениях, детских песенках и архаичных оборотах; словом, все, что более связано с языком, чем с фабулой или сюжетом. Наверное, я никогда не узнаю, что из этого может пережить перевод; я только верю, что это возможно. Если я восхищаюсь Гоголем, Прустом и Кафкой — хотя иначе, нежели те, кому доступны оригиналы со всеми их оттенками, — значит я могу надеяться, что читатели испытают нечто подобное, взяв в руки и мою книгу.

24 апреля 2017 г.

Содержание

К читателям этого издания • 9

Предисловие автора • 15

Книга первая
ЭДЖВУД

I • 21

*Откуда-то Куда-то Еще • Лонг-дринк «Уотер» • Безличность •
Имя и номер • Гродской Маус • С первого взгляда • Юный Санта-
Клаус • Островок в море • Переписка • Понарошку • Жизнь корот-
ка или длинна • Карты в Эджвуде легли удачно • Джуниперы*

II • 48

*Ванная в готическом стиле • По сторонам • Сон Софи • Сбили с до-
роги • Воображаемая спальня • В саду, обнесенном стеной • Дома и
истории • Совет доктора Дринкуотера • «Архитектура загородных
домов» • Как раз в эту минуту*

III • 69

*Странная внутренняя планировка • Это был именно он • Тенистые
прищудливые тропы • Назовем их дверьми • Нет предела возможно-
стям • Прогулка вокруг дома • Расскажи мне Повесть • Ответы на
все вопросы • Всё! — сказала она*

IV • 97

*Костюм Трумэна • Летний Домик • Вудзы и Лейки • Касание носами
• Счастливые острова • Уединенная жизнь • Так же тихо, как и при-
шла • Предположим, ты рыба*

V • 117

*Счастливые дети • Окончательный порядок • Сумей найти лица •
Эти немногие окна • Посмотреть, может, что и увидишь • Но это
так • В лесу • По пути • Хороший совет • Как насчет этого*

Книга вторая
СЕКРЕТ БРАТЦА СЕВЕРНОГО ВЕТРА

I • 151

Уединение и управление • Отличная идея • Несколько заметок о них • Чего тебе хочется больше всего • Нечто ужасное • Антология любви • Перед рассветом будет темнота • Последний день Августа • Странный способ жить • Не дотянуться

II • 188

Задание Робина Берда • Конец Света • Секрет Братца Северного Ветра • Единственное развлечение • В Зиме только одно хорошо • Мир очень стар • Ненасытные хищники • Ответственность • Праздник урожая • Захваченные Повестью

III • 213

Время летит • Определенно рискованно • На Холм • Какао и булочка • Нимфы-сиротки • Младшие Козыри • Вполне справедливо

IV • 231

В согласии с Ньютоном • Письма к Санте • Места на всех хватит • Они готовят дар • Птица из Старого Света • Люси, потом Лайлак • Маленькая, большая • Ночь солнцестояния • Во всех направлениях

Книга третья
СТАРОЗАКОННАЯ ФЕРМА

I • 259

Защита от посторонних • Новости из дома • Что услышал Джордж Маус • Джордж Маус продолжает подслушивать • Друг Доктора • Пастух в Бронксе • Взгляни на часы • Встреча Клуба • Воспроизведенные небеса

II • 283

Старозаконная Ферма • Чуток или весь котелок • «Крылатый голец» • Складная Спальня • Сильвия и судьба • Врата из рога

III • 310

Лайлак и светляки • Это секрет • Книги и битва • Старая география • Хиллы и Дейлы • Взгляд беглеца • Две красивые сестрички

IV • 337

Искусство Памяти • География • Пробуждения • Обратного хода нет • Медленно копившийся осадок времен • Принцесса • Домик Бруни • Пир

Книга четвертая
ДИКИЙ ЛЕС

I • 361

Время и путешествие • Чудо дождливого дня • Это судьба • Тайный агент • Червь вьется • Явление сокрытых • Слава • Еще не время

II • 385

Ворочаешься с боку на бок • Негра • «Седьмой святой» • Шепчущая галерея • Лицом наружу • Что за неразбериха

III • 408

Верхушка лестницы • Дочь Времени • Дитя повернулось • Воображаемый кабинет • И все же весна • Пусть следует за любовью

IV • 432

Действие шло бы веселее • Что-то отсылаем • Дядя Папа • Точно потерялась • Дикий Лес • Это война • Непредвиденный шов • С востока на запад • Сильвия?

Книга пятая
ИСКУССТВО ПАМЯТИ

I • 453

Герой пробудился • Тайная печаль • Поместить туда какой-нибудь год • На первом месте • На втором месте • И на третьем

II • 478

Не о ней, о парке • Никогда никогда никогда • Не важно • Сильвия и Бруно. Окончание • Как далеко ты зашел • Донышко бутылки • Дверь в никуда • Впереди и позади

III • 507

Как раз к сроку • Иголка в стоге Времени • Перекресток • Жуткая беда • Поворачиваюсь потихоньку • Обнимать самого себя

IV • 532

Взамен • Достаточно дальновидны • Далее всегда • Три Лайлак • Греза о пробуждении

Книга шестая
ПАРЛАМЕНТ ФЕЙРИ

I • 555

Зимы • Пятьдесят две • Несение факела • Что бы такое слямзить • Регуляторы хода • Караваны • Новобретенная земля • Еще немного, и конец

II • 584

Вот так сюрприз • Путь оттуда • Парламент • Это еще не все • Дама с сумочкой из крокодиловой кожи • Пока не украдено

III • 607

А это далеко? • Просто делала вид • Куда ее занесло? • Это слишком просто • Другая страна

IV • 628

Бури различий • Смотрите себе под ноги • Семейное дело • Часы и трубка • На пустом месте • Игра в пятьдесят две

V • 653

Ее благословение • Такой большой • Большие, много больше • Лишь смелому • Совсем рядом • Посторонись, посторонись • Пойти или остаться • Не пойду • Страна под названием Повесть • Поминки • Безусловный дар • Она неподалеку, она под боком • Когда-то, давным-давно

Комментарии • 687

Предисловие автора¹

Родители не любят признавать, что кого-то из своих детей любят больше других, считают умнее или симпатичнее, — так же и писатели редко сознаются, что среди всего ими написанного у них есть любимая книга, та, которую они считают лучшей: а ведь она неизбежно существует, и не обязательно это последняя или будущая. Благодаря «Маленькому, большому» я открыл, насколько далеко простираются мои писательские возможности; для большинства читателей это пока что моя лучшая книга — по крайней мере, та, о которой они теплее всего отзываются. Я должен буду дойти до тех же пределов (по моей оценке), чтобы создать что-то равноценное.

Я начал обдумывать эту книгу (вернее, книгу, которая станет ею) летом или осенью 1969 года, а закончил в 1978-м. Первоначально мне представлялось что-то вроде долгой семейной хроники, которая не будет брать исток в прошлом и подбираться к современности, а начнется примерно в наши дни и уйдет в далекое будущее. В книге осталось кое-что от первоначального импульса, но он заслонен другими темами, которые возникли гораздо позже, в процессе работы, — к примеру, идеей религии, связанной с фейри. Марианн Мур определяла стихи как «воображаемые сады с настоящими жабами»; я подумал, что сто́ит создать воображаемый сад, в глубине которого скрываются настоящие фейри.

Я наткнулся на персидскую притчу под названием «Парламент птиц», и она предоставила в мое распоряжение сюжет, замечательно — сверхъестественно! — подходящий к тому, что я уже придумал.

¹ Перевод М. Назаренко.

Наконец, я забавлялся идеей рассказа или цикла рассказов о могущественном маге, который, подобно частному детективу, расследует преступления и разгадывает космогонические, эпохальные загадки — например, дело о пробуждении спящего императора; что-то в этом роде.

И вот — не вполне по моей воле — все эти импульсы сталкивались и смешивались; я пытался связать их веревками и лентами литературных приемов, какие никогда прежде не применял; и наконец увидел, что моя книга стройно и трогательно замыкается на саму себя. Осталось только записать ее. Когда я начал создавать мою семью, среди первых образов был и такой: человек собирает свою семейную жизнь в саквояж и отправляется в последнее путешествие; лет восемь спустя я записал эту сцену, близкую (наконец-то!) к финалу книги — той книги, которую вы держите в руках.

11 апреля 1990 г.

*Линде,
которая первой узнала обо всем этом,
с любовью от автора*

Позднее, когда они вспомнили о земном происхождении человека: «прах ты и в прах возвратишься», им понравилось воображать себя пузырями земли. В одиночестве, среди полей, подальше от посторонних глаз, они куролесили, скакали и подпрыгивали, едва касаясь земли, с выкриками: «Мы — пузыри земли! Пузыри земли! Пузыри земли!»

Флора Томпсон. Взлет жаворонка

Книга первая
ЭДЖВУД

Люди суть люди, но Человек — это женщина.

Честертон

Однажды июньским днем 19... года молодой человек неспешным шагом шел из огромного Города на север по направлению к небольшому местечку под названием Эджвуд, слышать о котором он слышал, а бывать там — не бывал. Юношу звали Смоки Барнабл, в Эджвуде ему предстояло жениться; то, что он шел пешком, а не ехал, было одним из условий его прибытия в Эджвуд.

Хотя молодой человек покинул свою комнату в Городе ранним утром, уже близился полдень, когда он, перейдя через громадный мост по пешеходной дорожке, обычно пустой, оказался на северном берегу реки, среди городков с индейскими названиями, границ между собой не имевших. Он пробирался по ним чуть ли не до вечера: транспортный поток был таким плотным, что двигаться по прямой не удавалось; чаще всего приходилось лавировать, выбирая маршрут. Минуя округ за округом, Смоки заглядывал в узкие переулки, бегло осматривал витрины магазинов. Прохожих было немного, даже из числа местных жителей, разве что подростки на велосипедах. Молодой человек не переставал удивляться, как можно жить на таком унылом отшибе, а дети между тем веселились вовсю.

Чередование жилых кварталов с торговыми авеню постепенно теряло упорядоченность; дома редели, будто деревья на окраине большого леса; подобием полян стали появляться пустыри,

*Откуда-то
Куда-то Еще*

заросшие сорняками; там и сям из-под земли тянулись чахлые, запыленные побеги; попадались замусоренные лужайки — словом, вся местность вполне годилась для устройства промышленной зоны. Эта мысль упорно вертелась в голове у Смоки; окружавший его пейзаж больше всего походил не то на пустыню, не то на заброшенное озимое поле — чем не площадка для возведения фабрик?

Смоки подошел к скамейке на остановке автобуса, который курсировал Откуда-то Куда-то Еще. Присев на краешек, он сбросил с плеч дорожную сумку, достал из нее сэндвич, изготовленный им собственноручно (это тоже было одним из условий), а также разноцветную, будто конфетти, карту с указанием бензозаправок. Смоки не был уверен, что не нарушит условий, воспользовавшись картой, но поскольку путь до Эджвуда ему описали довольно бестолково, он, отбросив сомнения, развернул ее.

Так. Голубая линия, очевидно, обозначала знакомую ему избитую щебеночную дорогу, вдоль которой стояли пустующие кирпичные заводи. Смоки расположил карту параллельно скамейке, на которой сидел: разбираться в картах он был не мастак, но определил, что конечная цель его путешествия находится по левую руку от него, причем на довольно приличном расстоянии. Название Эджвуд на карте отсутствовало, но само местечко ютилось где-то *здесь*, среди пяти небольших городков, отмеченных самыми мелкими точками. Ага. Жирная двойная красная линия обозначала пролежавшую поблизости магистраль со многими боковыми въездами и выездами; пешком здесь не пройдешь. Еще ближе находилась четкая голубая линия (нарисовав в уме систему сосудистого кровообращения, Смоки представил, как весь транспорт вливается в город с юга по голубым линиям, а из города течет по красным), от которой ответвлялись отростки к городкам и населенным пунктам. Гораздо более тонкая склеротическая голубая линия, возле которой он сидел, являлась притоком — по всей видимости, торговым путем: Тул-таун, Фуд-сити, Ферничер-уорлд, Карпет-виллидж. Так-так... Но на карте имелась еще почти что неразличимая узенькая черная линия: вот она вполне годилась. Сначала Смоки показалось, что она никуда не ведет, будто картограф забыл дочертить ее до конца, однако неровная линия, выпутавшись

из узловатых переплетений, уверенно и наглядно устремлялась на простор севера и едва ли не задевала собой городок, который, как Смоки было известно, почти соседствовал с Эджвудом.

Вот, значит, она самая и есть. Похожа скорее на пешеходную тропу.

Измерив на карте большим и указательным пальцами расстояние, которое было пройдено, и то, которое ему еще предстояло пройти (гораздо большее), Смоки закинул за спину дорожную сумку, надвинул шляпу на глаза для защиты от солнца и зашагал дальше.

В пути она не очень занимала его мысли, хотя, конечно же, за неполные два года, что Смоки любил ее, она не выходила у него из головы; воображение часто уносило его в ту комнату, где они встретились впервые, и порой сердце его трепетало по-прежнему; но сейчас Смоки испытывал скорее благодарную признательность, опять мысленно заглядывая туда, в ту комнату, где Джордж Маус издали приветствовал его стаканом и трубкой; с ним были его долговязые кузины: младшая пугливо пряталась за спиной у старшей.

Происходило это в городском доме Маусов — последнем обитаемом доме в квартале. Окна с частым переплетом в библиотеке на третьем этаже были залатаны картоном, по темному ковру протоптаны светлые дорожки от двери к окнам и бару. Да, именно там они и встретились.

Она была высоченной.

Ее рост достигал шести футов: Смоки был на несколько дюймов ниже; ее сестренка, которой только-только исполнилось четырнадцать, была с ним вровень. Короткие вечерние платья девушек переливались блесками — красное у нее и белое у сестры; блестели и их длинные-длинные чулки. Отличались сестры не только высоким ростом, но и застенчивостью, особенно младшая, которая робко улыбнулась, но не пожала протянутой руки Смоки, а еще дальше спряталась за спину сестры.

Изящные великанши. Старшая бросила быстрый взгляд на Джорджа, когда Смоки галантно представился, и вежливо улыб-

нулась в ответ. Ее вьющиеся волосы отливали золотом. Джордж сказал, что ее зовут Дейли Элис.

Смоки, вскинув глаза, взял ее за руку. «А мне лонг-дринк „Уотер“», — сказал он, и она залилась смехом. Ее сестра тоже засмеялась, а Джордж Маус, согнувшись пополам от хохота, хлопал себя по коленке. Смоки, не понимая, почему их так развеселила эта избитая шутка, стоял с блаженно-ангельской улыбкой, переводя взгляд с Джорджа на Элис, руку которой все еще держал в своей.

Это был самый счастливый момент в его жизни.

До знакомства с Дейли Элис Дринкуотер в библиотеке городского дома Мауса жизнь Смоки складывалась не очень-то счастливо; но вышло так, что его образ жизни наилучшим образом расположил его к ухаживанию, которое он как раз затеял. Смоки был единственным ребенком, рожденным во втором браке отца, когда тот приближался уже к шестидесяти. Стоило матери уяснить, что изрядное состояние Барнабла испарилось благодаря неумелому хозяйствованию супруга и что ей не имело ни малейшего смысла выходить за него замуж и уж

тем более рожать ребенка, как она в приступе горького разочарования покинула дом. Смоки тяжело это переживал: из всех родственников мать казалась ему наименее безличной; в сущности, из числа тех, с кем его связывали кровные узы, она была единственной, чей образ мгновенно вспоминался ему и в старости, хотя расстались они, когда он был еще совсем мальчиком. Сам Смоки в основном унаследовал безличность Барнаблов: от матери ему досталась лишь частичка определенности. Знавшим его эта частичка представлялась неоспоримой: проблеск наличного присутствия посреди смутно мерцающей пустоты.

Семья была большая. От первой жены у отца родилось пятеро сыновей и дочерей. Все они жили в каких-то безличных пригородах в штатах, названия которых начинались с буквы «I»: друзья Смоки по Городу вечно их путали, порой и сам Смоки не мог толком в них разобраться. Знакомые полагали,

Безличность

что у его отца денег чертова уйма, и, понятия не имея, как он ими распорядится, всегда охотно приглашали его к себе. После ухода жены отец решил продать дом, в котором Смоки родился, и предпочел кочевать с места на место в сопровождении маленького сына, череды безличных собак и семи изготовленных по специальному заказу сундуков, в которых содержалась его библиотека. Барнабл был образованным человеком, хотя его познания носили столь отвлеченный и закостеневший характер, что собеседника он себе не находил и потому ничем не нарушал свойственную ему от природы безличность. Его старшие сыновья и дочери относились к сундукам с книгами как к большому неудобству: как если бы чужие носки мешались в стирке с их собственными.

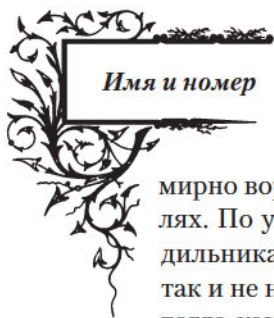
(Позднее Смоки завел привычку сортировать своих сводных братьев и сестер, связывая их с определенными городами и штатами, пока сидел в уборной. Может, потому, что в их уборных он острее всего ощущал свою безличность — вплоть до невидимости; во всяком случае, время проходило за перетасовыванием братьев, сестер и их отпрысков, словно это была колода карт; Смоки прилаживал лица к входным дверям и к газонам, пока с годами в конце концов не наловчился раскладывать всю колоду. Это доставляло ему то же безрадостное удовлетворение, что и от решения кроссвордов, вместе со сходной неуверенностью: а что, если правильно вписанные им слова не совпадают с задуманными составителем? Номер газеты, в котором спустя неделю публиковались ответы, так ни разу и не принесли.)

Уход жены не лишил Барнабла бодрости: личность его еще более стерлась; старшим детям казалось, что отец как бы съезжился, а потом, все более умаяясь, окончательно улетучился из их жизни. Только Смоки он сумел передать дар, позволявший осязать его личность, — свои знания. Из-за частых переездов Смоки не имел возможности регулярно посещать школу, а к тому времени, когда они обосновались в одном из штатов, название которого начиналось с буквы «I», выяснилось, что содеял над сыном отец: Смоки оказался слишком взрослым для того, чтобы можно было принудить его ходить в школу. К шестнадцати годам Смоки изучил классическую и средневековую латынь, древнегреческий, основы старомодной математики; немного

умел играть на скрипке. Другие книги, помимо томов отцовских классиков, переплетенных в кожу, он почти и не раскрывал; мог более или менее правильно продекламировать сотню другую строк из Вергилия, а также писал наклонным каллиграфическим почерком.

Отец Смоки в тот год умер ссохшимся старичком, словно всю свою невеликую телесную плотность передал сыну. Смоки продолжал скитания еще несколько лет. За отсутствием диплома поиски работы давались ему нелегко. Наконец ему удалось обучиться машинописи в какой-то захудалой школе бизнеса (должно быть, в Саут-Бенде, как он потом вычислил) и сделаться клерком. Он долго жил в трех разных пригородах, которые именовались одинаково, и в каждом родственники называли его по-разному — то его собственным именем, то именем отца, то просто Смоки; он выбрал себе последнее: оно как нельзя точнее передавало его склонность исчезать неуловимо, подобно дыму. Смоки даже не подозревал о бережливости отца и, неожиданно получив в двадцать один год запоздалый скромный капитал, сел в автобус, идущий в сторону Города, и, как только за окошком промелькнул последний дом пригорода, забыл все те места, где жили его родственники, а заодно и самих родственников — впоследствии он с трудом восстанавливал в памяти их лица по ассоциации с видом газонов; очутившись же в Городе, он благодарно и без следа растворился в нем, подобно дождевой капле, канувшей в море.

Смоки занимал комнату в доме, который когда-то принадлежал

Имя и номер

приходскому священнику старинной церкви. Эта церковь, чтимая, но заброшенная и полуразрушенная, стояла и теперь позади дома. Из окна открывался вид на кладбище, обитатели которого, носившие голландские имена,

мирно ворочались с боку на бок в своих вековых постелях. По утрам Смоки, поднятый на ноги не звоном будильника, а внезапным шумом уличного движения (он так и не научился спать под гул городского транспорта, тогда как долгий грохот поездов, шедших на Средний

Запад, совершенно его не тревожил), отправлялся на службу.